

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)44

УДК 94(47).04=161.1(045) "15"(470)

Комаров О.В. От «вольных слуг» к «государевым холопам». Военное дело периода формирования Русского государства в свете развития социально-политических институтов

Аннотация: данная статья посвящена развитию военного дела на Руси в XV- первой половине XVI в.

Ключевые слова: XV в., XVI в., военное дело, ментальность, холодное оружие, артиллерия, лук и стрелы, дисциплина, сражение под Русой, Шелонская битва, битва на Ведроши.

Автор: Комаров Олег Владимирович, образование высшее. С 2010 года активный участник Проблемного совета при Государственном Историческом Музее. Основная сфера интересов – военная история Русского государства и его соседей. oleggg888@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XIV вв. — Л., 1976.

Рудаков В.Н. Монголо-татары древнерусских книжников середины XIII-XV вв. — М., 2009.

Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. — М., 2011. — Вып. II.

Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: Идеиные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2009. — Вып. I.

Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология. Ежегодник. — М., 2003.

Стефанович П.С. «Честь» и «слава» на Руси в X – начале XIII в.: терминологический анализ [Электронный ресурс] // Мир истории. Электронный журнал. — 2003.

Стефанович П.С. Понятие верности в отношениях князя и дружины на Руси в XII-XIII в. // Древняя Русь, — М., 2008. — № 31 (2008).

Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки социального и политического строя Князя и бояре. — М., 2008.

Салмина М.А. Повесть о нашествии Тохтамыша // Труды отдела древнерусской литературы института русской литературы. — Л., 1979. — Т. 39.

- Горский А.А. О происхождении «холопства» московской знати // Отечественная история. — М., 2003. — № 3.
- Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...» // Личности и ментальность русского средневековья. — М., 2001.
- Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007.
- Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 96-113. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).
- Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464-482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).
- Лобин А.Н. Битва под Оршей. — СПб., 2011.
- Лобин А.Н. "[Бесова деревня Опочка](#)": малоизвестный эпизод Смоленской войны 1512-1522 годов // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15-17 мая 2013 года. — СПб., 2013. — Ч. III.
- Литва и Русь в 1534-1536 гг. // Вестник МГУ. — М., 1999. — Сер. 8. — История, № 4.
- Пенской В.В., Пенская Т.М. «Смоленщины» начала XVI века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. — С. 35-93 <http://www.milhist.info/2015/02/25/penskoj-penskaya_3> (25.02.2015).
- Пенской В.В. [Чудо на Двине \(эпизод из истории 1-й Смоленской войны\)](#) // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13-15 мая 2015 года. — СПб., 2015. — Ч. III.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2016/07/22/komarov_2

Ссылка для печатных изданий:

Комаров О.В. От «вольных слуг» к «государевым холопам». Военное дело периода формирования Русского государства в свете развития социально-политических институтов [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 362-389. <http://www.milhist.info/2016/07/22/komarov_2> (22.07.2016).

Komarov O. From “free servants” toward the “state serfs”

Summary: the article analyzes the military art of the Russian Tsardom in the fifteenth – first half of the sixteenth century through the prism of its socio-political institutions.

Keywords: the fifteenth and sixteenth centuries; military art; edged weapons; artillery; bow and arrows; discipline and mentality; the Battle of Shelon, 1451; the battles at Russa, 1456; the Battle of the Vedrosha River, 1550.

Author: Oleg Komarov is currently a member of an Advisory Council at the State Historical Museum (Moscow, Russia). He specializes in the military history of Russia and her neighbors. oleggg888@yandex.ru

References:

Kirpichnikov A.N. Voennoe delo na Rusi v XIII-XIV vv. [Military Affairs in Russia in XIII-XIV] — L., 1976.

Rudakov V.N. Mongolo-tatary drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII-XV vv. [The Mongol-Tatars of ancient Russian scribes of the middle of the XIII-XV] — M., 2009.

Kurbatov O.A. Ocherki razvitiya taktiki russkoj konnicy «sotenoj sluzhby» s serediny XVI v. do serediny XVII v. // Voennaja arheologija. — M., 2011. — Vyp. II.

Kurbatov O.A. Reorganizacija russkoj konnicy v seredine XVI v.: Idejnye istochniki i celi reform carskogo vojska [The reorganization of the Russian cavalry in the middle of the XVI century: the Ideological sources and the objectives of reform of the king's troops] // Edinorog: Materialy po voennoj istorii Vostochnoj Evropy jepohi Srednih vekov i Rannego Novogo vremeni. — M., 2009. — Vyp. I.

Kurbatov O.A. Moral'no-psihologicheskie aspekty taktiki russkoj konnicy v seredine XVII veka [Psychological aspects of tactics of the Russian cavalry in the mid-seventeenth] // Voennostoricheskaja antropologija. Ezhegodnik. — M., 2003.

Stefanovich P.S. Ponjatie vernosti v otnoshenijah knjazja i družiny na Rusi v XII-XIII v. [The concept of fidelity in the relations of Prince and his wife in Russia in the XII-XIII century] // Drevnjaja Rus', — M., 2008. — № 31 (2008).

Salmina M.A. Povest' o nashestvii Tohtamysha [The story of the invasion of Tokhtamysh] // Trudy otdela drevnerusskoj literatury instituta russkoj literatury. — L., 1979. — T. 39.

Gorskij A.A. O proishozhdenii «holopstva» moskovskoj znati [On the origin of the "holopstvo" of the Moscow nobility] // Otechestvennaja istorija. — M., 2003. — № 3.

Alekseev Ju. G. Pohody russkikh vojsk pri Ivane III. [The campaigns of the Russian army under Ivan III] — SPb., 2007.

Nesin M.A. Srazhenie pod Rusoj 3 fevralja 1456 g.: mesto boja i taktika moskovskih vojsk [Russa battle]. — Srazhenie pod Rusoj 3 fevralja 1456 g.: mesto boja i taktika moskovskih vojsk [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2014. — Vol. V. — P. 96-113 <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014)

Nesin M.A. Shelonskaja bitva 14 ijulja 1471 g.: k voprosu o taktike moskovskih vojsk i uchastii zasadnoj tatarskoj rati [Shelon battle] [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2014. — Vol. IV. — P. 464-482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

Lobin A.N. Bitva pod Orshej [Orsha battle]. — SPb., 2011.

Lobin A.N. ["Besova derevnja OPOCHKA": maloizvestnyj jepizod Smolenskoj vojny 1512-1522 godov](#) ["Besov village of OPOCHKA": a little-known episode of the Smolensk war 1512-1522] // Vojna i oruzhie: Novye issledovanija i materialy. Trudy Chetvertoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 15-17 maja 2013 goda. — SPb., 2013. — Ch. III.

Litva i Rus' v 1534-1536 gg. [Lithuania and Russia in 1534-1536] // Vestnik MGU. — M., 1999. — Ser. 8. — Istorija, № 4.

Penskoj V.V., Penskaja T.M. «Smolenshhiny» in the beginning of XVI century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — Special edition IV. Smolensk wars XV-XVII. — Vol. I. — P. 35-93 <http://www.milhist.info/2015/02/25/penskoj-penskaja_3> (25.02.2015).

Penskoj V.V. [Chudo na Dvine \(jepizod iz istorii 1-j Smolenskoj vojny\)](#) [Miracle on the Dvina river (an episode from the history of the 1st Smolensk war)] // Vojna i oruzhie: novye issledovanija i materialy. Trudy Shestoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 13-15 maja 2015 goda. — SPb., 2015. — Ch. III.

Internet link:

http://www.milhist.info/2016/07/22/komarov_2

Reference link:

Komarov O. From “free servants” toward the “state serfs” [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VIII. — P. 362-389. <http://www.milhist.info/2016/07/22/komarov_2> (22.07.2016).

**ОТ «ВОЛЬНЫХ СЛУГ» К «ГОСУДАРЕВЫМ ХОЛОПАМ».
ВОЕННОЕ ДЕЛО ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИНСТИТУТОВ**

Ещё А.Н. Кирпичников утверждал, что в XV в. произошла крутая ломка традиционной системы вооружения и тактики боя русского войска, а конница, его основа, была «ориентализированна»¹. Под последним термином понимается перенятие «ордынских» (татарских, кочевнических) тактических приемов и восточного (ближневосточного, иранского) вооружения. Однако вопрос о переходе военного дела Руси Ордынской эпохи к военному делу Русского государства всё ещё требует детального рассмотрения: каковы были его основные особенности и характерные черты в каждую из этих эпох, какие именно изменения произошли и как эти изменения протекали, чем были обусловлены. Древнерусские воинские социальные страты («вои») в боевом отношении представляли собой конных воинов, которые могли биться в пешем строю, могли передвигаться на речных судах. За рядом исключений, ими и велись войны, а специализированная пехота появилась уже в Русском государстве (пищальники, стрельцы). Преобразование конницы — это преобразование в военном деле в целом. Изменения вооружения, тактики и индивидуальных навыков являются отражением изменений военного дела в целом, также ментальных и организационных изменений, обусловленных социально-экономическими и политическими трансформациями. Эти изменения и станут объектом изучения данной работы.

Военная система является одним из ключевых факторов, свидетельствующих о внутреннем состоянии государства. Слабые государственные институты на Руси (как и во многих странах Европы, если сравнивать с Византией) не давали возможности проводить реформы методом

указов центральной власти, традиции изменялись постепенно, обновляясь под влиянием насущных обстоятельств, поэтому государственные институты Византии, бывшей для Руси образцом, не могли быть переняты за короткий исторический период. При этом идеология социально-политического устройства формировалась на основе идей, пришедших из Византии. Таким образом, была идеологически обоснована вассальная зависимость от Золотой орды, правитель которой стал «царем» для русских людей. Государственные институты Орды стали наиболее близким примером для Руси, а некоторые из них воспроизводились напрямую для поддержания вассальных отношений. Идеология, отраженная в летописных повестях, никогда не ставила под сомнение сам статус «царя»; она пошла не по пути отказа от «царской власти», её дискредитации, а по пути возвышения московского князя до статуса «христианского царя»². Такая идеологическая трансформация, с одной стороны, могла отражать процессы перенимания в том или ином виде многих «ордынских институтов», а с другой — вызванную насущными обстоятельствами необходимость укрепления государственности. В данной работе не ставится цель найти ордынские корни в конкретных изменениях русского военного дела — для этого следует вначале обозначить эти изменения, а впоследствии сравнить их с реалиями военного устройства Золотой Орды, которые, в свою очередь, требуют основательного изучения.

В ряде последних работ О.А. Курбатова были тщательно изучены вопросы тактики, организации и ментальности поместной милиции³. Вместе с тем стоит отметить, что этот вопрос еще очень далек от разрешения, особенно, если затрагивать период до середины XVI в. Проблема в том, что массив источников, достаточно подробно описывающих войны Русского государства и дающих относительно полную картину тактики поместной милиции, разрастается только с середины XVI в. Период же XV — первой половины XVI вв. описан источниками фрагментно, и часто на способы ведения войны той эпохи априори переносятся выводы, полученные из опыта изучения войн в соседние эпохи. Но ведь произошли как серьезные социально-политические

изменения (развитие государственных институтов), так и военно-технические изменения (прежде всего, появление «огненных стрельцов», органично занявших в середине XVI в. важное место не только в крепостной, но и в полевой войне). В связи с чем методологически верным было бы вначале из имеющихся источников извлечь всё то, что показывает, как происходили военные действия, и уже на этих фактах выстраивать общую теорию, используя имеющиеся данные из предшествующей и последующей эпох.

О.А. Курбатовым были сформулированы морально-психологические аспекты тактики и дисциплины служилых по отечеству. «По существовавшему тогда общему убеждению, стойкость, храбрость, удачливость бойца, его моральный уровень вообще были напрямую связаны с «дородством» — знатностью и «честностью» службы Государю его и его предков <...>. Эти люди первыми являлись на службу и последними покидали ее — как правило, были в полку «до отпуску»; в бою они рубились в первых рядах своих сотен, — писал историк, — а при преследовании и взятии обозов им по праву доставались лучшая добыча и полон; при неудаче они отступали последними». При этом, продолжал свою мысль исследователь, «мужественно терпя «полонное сиденье» или раны и даже погибая в безнадежной схватке, дворянин знал, что его подвиг послужит спасению его души, будет отмечен Государем и тем повысит «честность» его рода. Наоборот, уклонение от службы могло «обесчестить» и его, и весь род»⁴.

Эта узаконенная традиция (местничество) больше известна по спорам из-за «мест» среди воевод, т.е. по негативной его стороне. Однако следует заметить, что конфронтация и «интриги» среди военачальников — распространённое явление в очень многих военных системах, и способность держать это явление в приемлемых рамках всегда зависит от «политического здоровья» страны.

Отметим, что выводы О.А. Курбатова основаны на многочисленных документах XVII в., которые отражают не только идеологические установки, но и повседневную реальность. Однако в более ранний период служебные отношения и воинская ментальность во многом были иными. Вопросы «чести»,

«славы», верности, правовых отношений князей и воинов Древней Руси были изучены в работах П.С. Стефановича.

Термин «слава» (мирская «слава») в древнерусское время означал «известность», «репутация» или «хвала», «превозношение» кого-либо. Термин «честь» понимался как «почет», «уважение», «награда», и не включал в себя понятие «обязанность». Синонимическое сочетание «честь и слава» изначально появилось в религиозных текстах, а затем, в военном значении, эти термины появились в летописях и воинских повестях («вернулись с честью и славой»), вначале по отношению к князю и войску вообще, а потом по отношению к конкретному воину («бе бо храбрь и во велице чьсти умерть»). При этом даже в «Слове о полку Игореве» — образце дружинной культуры — нет проповеди культа смерти в бою. Отсутствие «чести», «бесчестие» в ряде случаев отождествлялось с «соромом» (в древнерусском праве — оскорбление личности словом или делом), который падал на отца и других близких родственников (это был только зародыш той системы компенсаций за оскорбления по «бесчестью», которая хорошо известна по документам Московского периода). В сознании древнерусского человека было представление о славе предков («передняя слава», «слава последнему веку» — взгляд на течение времени тогда был иным) как о некоей идеальной ценности, на которую нужно ориентироваться⁵.

В летописной Повести о Святославе I наглядно показан изначальный, ещё дохристианский, центральный принцип воинского менталитета, выраженный словами: «...не посрадим земле Руские, но ляжем костьми, мертвы ибо срама не имам, аще ли побегнем срам имам»⁶. То же видно в «Слове...»: «...братья и дружина, лучше убитым быть, чем плененным быть». Отсутствие проповеди культа смерти в бою при этом говорит, что ещё в нехристианизированной дружинной культуре сама по себе «смерть в бою» не была «радостным» моментом; это не то, чего воин ищет, но от чего не должен убегать, то, за что он получал «честь и славу».

Понятие верности князю в XII–XIII вв. только формировалось, прежде всего, через христианскую традицию⁷. То есть воинская честь во взаимоотношениях с князем подразумевала, что нужно доблестно биться с ним в одном строю, а не верное служение вообще.

Изначально между князем и воинами был не юридический (клятвенный), а союзно-дружеский союз, который подтверждался каждый раз в ответственный момент (например, перед битвой) без указания срока службы (использовалась формулировка «можем главы сложить за тя»); в течение XIV в. она сменилась выражением «служить животом»). Существовала формула для разрыва отношений («княже, не надейся на нас, несть есмы с тобою, но на тя есмы»). Право «отъезда» оставалось естественным правом, и только в XIV в. его нормы стали юридически формулироваться и вводиться в «политический дискурс», так как оно начало сталкиваться с интересами государства. Верная служба (продолжительная и даже потомственная) мотивировалась материальной «милостью» князя. С XII в. под влиянием христианских традиций «город» (знать «земли») мог призываться целовать крест князю, но это также были ситуативные обязательства, а не выработанная система отношений. Впервые индивидуальная присяга, сопровождающаяся поручительством о верной пожизненной службе, зафиксирована при литовском князе Ольгерде (в Литве после унии с Польшей такая форма присяги исчезла). В то же время подобная практика стала проявляться в Московском княжестве. Впервые поголовная присяга о верной службе с наказанием несогласных отмечена под 1446 г., когда Дмитрий Шемяка захватил власть в Москве; а когда Василий Васильевич вернулся в Москву, то «гражан приведоша к целованию»; после чего появились «крестоцеловальные записи», в которых имеющий «вину» (подозреваемого в отъезде от государя) боярин, обладая поручителем среди церковных иерархов, обязывался служить «до живота» и целовал крест «крепости деля» за себя и своих детей. В XVI в. целование креста новому государю всеми служилыми людьми (присяга подданных) стало нормой. К XVII в. «крестоцеловальные

записи», слившись с присягой подданных, приобрели форму присяги всякого человека, взявшегося выполнять «государеву службу»⁸.

Таким образом, взаимоотношения между правителем и воинами претерпевали на протяжении веков последовательные изменения, связанные с усилением христианской идеологии, развитием правовых отношений и укрепления центральной власти. Изначальная мотивация долгой, а также потомственной службы — «милость» («честь») правителя — не исчезла; она постепенно получила правовое оформление (известное по челобитным XVI–XVII вв. право на жалованье и должности служилого человека и его рода за эффективную службу) вместе с правовым оформлением обязанности верной службы. Традиция «передней славы» как жизненный ориентир в сочетании с расширением практики потомственной службы усиливавшимся московским князьям способствовала появлению практики обращения к достижениям предков для обоснования своего места в служебной иерархии (местничество).

Отмеченный выше рост значения клятвенных обязательств, произошедший к концу гражданской войны при Василии Темном, был лишь одним показателем структурных политических изменений в то время. Правление Василия II шло на фоне таких событий, как Флорентийская уния 1439 г., падение Константинополя в 1453 г. и распад Золотой орды на самостоятельные ханства. Тогда, к началу составления летописного свода 1448 г., были написаны идеологически связанные и выстроенные в единую структуру повести: пространные повести о Куликовской битве и нашествии Тохтамыша, «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго»⁹, т.е. было сделано обоснование называть московских князей царями. Василия II в последние годы княжения в церковных произведениях стали называть царем и самодержцем. Его сын уже устойчиво именовался царём. К концу XV в. (примерно в 1480-е гг.) утвердилась практика именовать служилых людей «государевыми холопами», и это сложилось аналогично ордынской терминологии («кул» — одновременно и раб, и вассал по отношению к хану), хотя имело аналоги и в поздневизантийской традиции¹⁰. Введение в

употребление терминов «царь» (по отрешению к московскому князю) и «холопы» (по отношению к служилым людям) не означает, что автоматически были заимствованы служилые отношения, бытовавшие в Золотой Орде (тем более, они требуют изучения) или Византии, но вектор изменений показателен.

Если обратиться к литературным памятникам Куликовского цикла (Пространная летописная повесть, «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище»), то мы увидим традиционные мотивационные установки — призывы биться «за землю русскую» и за веру¹¹, прежнюю формулировку ситуативного обязательства перед князем (в «Сказании...» воины адресуют его князю перед боем: «...готовы главы свои положите за тебя»).

Картина, отражающая новые представления о воинской чести, предстает в Повести о войне Новгородской (битва под Старой Руссой 1456 г.): «...начаша глаголати межи собою: что створим, аще не поидем противу их битися, то погибнем от своего государя великого князя, поен же корысть взяхом и воя с тем отпустихом, но лучше помрем с ними за правду своего государя, а за их измену»¹². В описании Казанского похода 1469 г. приводятся слова русских воинов: «...все хотим на окаяных татар за святые церкви и за своего государя великого князя Ивана и за православное христианство»¹³. В повести о бою на Шелони 1471 г. говорится: «...видевше многое воинство их и положше упование на господа бога и пречистую мать его и на правду своего государя великого князя, поидоша напрасно противу их»¹⁴. В другом варианте описания этого сражения в уста воевод вкладываются слова: «Господине и братиа наша! Лутче нам есть zde главы своя покласти за государя своего великого князя, нежели с срамом возвратитися»¹⁵.

Это уже не прежнее свидетельство обязательств князю перед боем, а именно устойчивая идеологическая мотивация. Служба государю тесно связывалась со служением Богу, т.е. не могла быть ситуативной. Государь получал полномочия карать за нерадивую службу, а значит, появились насильственные рычаги воздействия на дисциплину (примером чего могла быть монгольская система дисциплинарных наказаний). При этом указанные фразы

по форме являются, скорее всего, художественными оборотами, записанными при составлении официальной Московской летописи в 1470-е гг. Их различия с формулировками из Повести о Куликовой битве, записанной в летопись тремя десятилетиями ранее, не говорят, что за этот период произошли соответствующие изменения в жизненных реалиях, но назвать это отображением тенденций допустимо.

О проблемах с дисциплиной в Ордынскую эпоху дают представление некоторые описания сражений. Наиболее известное и характерное из них приведено в Повести о побоище на Пьяне в 1377 г.: «Они же (русские ратники — *О.К.*) оплошишася и небрежением хожаху, доспехи своя на телеги своя въскладаху, а инии в сумы, а иных сулицы еще не насажены бяху, а щиты и копья не приготовлены, а ездят порты своя с плеч спущав, а петли розстегав, аки распрели: бяхе бо им варно, бе бо в то время зноино. А где наехаху в зажитьи мед или пиво, и испиваху до пьяна без меры, и ездять пьяни, по истинне за Пьяною пьяни, а стареишины их или князи их или бояре стареишиа, велможи или воеводы, те все поехаша ловы деюще, утеху си творяще, мнящеся, аки дома»¹⁶. Такая же проблема возникла во время гражданской войны, когда Василий II в 1433 г. собрал против Юрия Галицкого «москвич гостей и прочих», в бою «от москвич не бысть никоея помощи, мнози бе от них пьяны бяху, а и с собою мед везяху, что питие еще»¹⁷.

Ещё в повести о Липецкой битве 1216 г. была обозначена проблема того, что победители в конце битвы начинают грабить обоз, не давая довести сражение до окончательной победы и даже создавая опасность, причем князь мог воздействовать на своих воинов только просьбами¹⁸. Очень показательное сражение под Суздалем в 1445 г. между Василием Темным и ханом Улу-Мухаммедом: «...сразившем же ся им, и начаша прежде полци великаго князя одоляти, а татары побегоша, наши же ови погнаша по них, а инии сами побегоша, друзии же начаша уже избитых татар грабити. А татары паки възвратившия на христиан, и тако одолеша им, князя же великаго самого руками яша»¹⁹.

Примечательно и новгородское описание битвы под Русой в 1456 г.: «...бысть бой у Ильи святого на огородах, и паде ту москвиц и татаров 50 человек, и побегоша москвице в Русу, а новгородцы поидоша за ними по улицам и по дворам, а ини шедше сконев и почаша снимать и с шестников и татаров битых ту платье и доспехы, и исплошилася новгородци, а того не видяху, что рать иная идеть ис поля, полк москвиц и татарове учаша стреляти кони у новгородчев, и ударишася на новгородчев и създи и с стороне, и смутиша силу новгородскую»²⁰.

В обоих сражениях видим слабую дисциплину при преследовании, что и стало ключевым моментом в поражении (тут даже неважно, насколько повлияло на исход боя именно то, что воины или какая-то их часть начали заниматься грабежом, а важно само обозначение проблемы). Пленение великого князя под Суздалем не могло не произвести на него очень тяжелое впечатление, что, возможно, сказалось на стремлении качественно преобразовать московское войско.

Очень показательным является момент, описанный в сражении с новгородским десантом под Коростынем в 1471 г.: «...поидоша противу их и многих избиша, а иных руками изнимаша. Тем же и изниманым самим межи себе повелеша носы и губы и уши резати и отпускаху и их к Новугороду, а доспехы снимающе в воду метаху, а инии огню предаша; не бяху им требе, но своими доспехы всеми доволни бяху»²¹. При рассмотрении этого эпизода обычно рассуждают о причинах, почему москвичи не брали новгородские доспехи. Но по факту мы видим художественное описание того, что воины великого князя не стали обременять себя пленниками и добычей (ведь даже неподходящее для себя вооружение можно было продать), когда ожидались новые боестолкновения (которые и произошли). То есть видна картина роста боевой дисциплины (или, по крайней мере, формируются установки поведения воинов в бою). Правда, следует отметить, что под Русой и под Коростыню действовали дворовые дети боярские, лучшая и чаще воюющая часть московской конницы.

Вопрос дисциплины преследования появился в сражении с немецким войском у Смолина в 1502 г. Следует рассмотреть его в контексте всей битвы. Псковская летопись даёт описание: «И погнашася воеводы великих князей и псковичи, и нагнаша их в озерах на могилнике, и немцы кош свои поставиша оприч и молвиша: толко де и Русь ударится на кош, и мы де и выидем изо Псковской земли; а толко же де и на нас, ино туто нам головы покласти своя. И псковичи первое ударшася на кош, и потом москвичи; и начата межи собя дратися о быте немецком, а чюдь кошевую всю присекоша. И немцы в то время сступишася с москвичи и со псковичи, и бысть с немцы сеча, а не велика. И князь псковской Иван Горбатой начата заганивати псковичь, чтобы не ехали розно, а они вси по закустовью, и начата ему псковичи прозвища давати опремом и кормихном»²². Воскресенская летопись даёт официальную версию событий: «...и слыша немцы въевод великого князя, что идут к Пскову, и поидоша от Пскова, и доидоша их воеводы великого князя на Смолине, и сказаша воеводам великого князя Данило Нащекин да Лева Харламов что немцы бежат, и люди великого князя многие ис полков погониша, а полки изрушали, и кошевых людей немецких многих побили, и пришли на немецкие полки, а немцы стоят полки вооружены, и великого князя людей не многих избиша, которые пришли изрывкою, а сами ся отстояли, потому что у великого князя воевод полки ся изрушали; на том бою убиены бысть князь Андрей Александрович Кропоткин да Юрий Юрлов сын Плещеев»²³.

Если рассмотреть немецкие источники, то там о хитрости с обозом не говорится (в большинстве даже не сообщается о его потере), а описание сражения начинается с залпа немецкой артиллерии²⁴. То есть обоз был оставлен для того, чтобы появилось время на приготовление к бою, атаки на грабивших обоз русских не было (как иногда понимают псковское известие). Как таковое нападение на обоз имело смысл: русские преследовали отступающего врага, не зная о его намерениях, и обоз, в котором были люди, не мог не считаться источником опасности. Показательно описание Псковской летописи, что при захвате обоза именно псковичи спровоцировали беспорядочный грабеж, и их

военачальник мог только безуспешно их упрашивать. Это и отвлекло большую часть русских воинов от приготовления к битве, что, в свою очередь, дало время немцам подготовиться к обороне. Сам по себе случай не относится к прежним вариантам, когда грабить начинали в ходе боя. То, что затем произошёл продолжительный и упорный бой, говорит, что всё-таки воеводы привели свои силы в порядок (тем более что привести силы в боевой порядок с марша само по себе требует времени). Отсутствие упоминаний в Псковской летописи самого боя и упоминаний о погибших псковичах может говорить о том, что псковичи в нём не участвовали, так как в порядок их привести не удалось (что косвенно говорит о различиях между «традиционной» дисциплиной псковичей и «обновленной» дисциплиной москвичей).

В Типографской летописи описан Смоленский поход 1502 г.: «...послал князь великий Иван Васильевич всея Руси сына своего князя Дмитрея Ивановича да воевод своих, князя Василия Даниловича Холмского да Якова Захарыча, и иных воевод своих и многое множество воинства, да и посошные с ними были, к граду Литовскому Смоленску. Стояша же под градом до Воздвижения Честнаго Креста, а граду учиниша зла много и людей под градом побита много, а волости и села повоеваша и пограбиша и пожгоша и полону выведоша множество бесчислено и поидоша прочь, а града не взяша. Приидоша же на Москву, и пожаловася отцу своему: многие дети боярские подступали под град и в волости отъезжаа грабили без его ведома, а его не послушаша. За то князь великий въсполеся на тех детей боярских и многих велел поимати да велел и казнити, по торгу вода, велел кнутъем бити, а многих велел в тюрьму пометати»²⁵. Эта крупномасштабная операция, сопровождавшаяся серьезными проблемами со снабжением, неизбежно вызвала проблемы с самовольными грабежами. Важно, что такое явление теперь считалось серьезным преступлением, за которое последовало бы наказание. Мы видим конкретный пример механизмов поддержания дисциплины. Однако для их запуска государю пришлось вмешаться лично: система дисциплинарных наказаний только формировалась. О том, что при Иване III вводилась подконтрольная

система грабежей, говорит летописное описание похода на Новгород в 1477 г. Стоя под Новгородом, «ноября 30 в неделю князь великы велел всем воеводам по корм посылати людеи половину, а другую у себя оставити, а срок им по корм 10 дней, а 11 в четверток по Николе дни всем быти под городом, где бы хто ни был»²⁶. Подобной регламентации ранее не встречалось. Но очевидно, что для её полного воплощения требовалось присутствие в войске государя.

Согласно Герберштейну, во время Казанского похода 1506 г. русские стали грабить специально оставленный татарами лагерь, попав в результате в засаду²⁷. В Казанском летописце также приводится схожий по смыслу сюжет, только литературно очень сильно расширенный²⁸. Официальная летопись излагает это событие так: «...и прииде князь Дмитрий Иванович и воеводы великого князя судовая рать под Казань месяца мая в 22 в пяток, и выдоша из судов на поле градное небрежением и поидоша ко граду пеши, и тотарове из града поидоша противу их, а иные тотарове потаинные заехаша от судов на конех; и бысть бои, грех ради падших побиша тотарове воевод пеших и детей боярских, кои были туто на поле, а иных поимаша, а ини мнози истоптоша на Поганом озере»²⁹. Судя по тому, что конная рать подошла только через месяц, а ещё готовились новые силы, эта судовая рать собралась и выдвинулась максимально быстро. Можно полагать, что они хотели повторить успешное нападение ранним утром 21 мая 1469 г., когда в результате стремительного выдвижения удалось внезапно напасть на Казань, успешно разграбить посад. Однако на этот раз казанцы не только не были застигнуты врасплох, но сами организовали конную засаду, нападение которой с тыла на пеших ратников и следует считать ключевым моментом. А вот какие основания имел под собой слух о специально оставленном лагере? Ни у Герберштейна, ни в Казанском летописце нет цельного описания осады. Ведь специальное возведение лагеря-приманки создает лишь лишние организационные проблемы и траты, когда организованная засада уже дает необходимый эффект. Видимо русские, как и в 1469 г. атаковали посад, начав его опустошение, но были сами атакованы. Это уже больше не проблемы дисциплины воинов, а сложности с организацией

разведки и оценки возможной опасности, т.е. организационные проблемы, которые проявлялись в любой системе.

Во время штурма Казани в 1552 г. часть ратников, прежде оставленных в обозе, стали заниматься грабежом, что было художественно обрисовано в повести Андрея Курбского. Согласно официальной повести, царю пришло известие, что «воини твои крепце бьются и Бог помогает по тебе царе благочестивом, но многие слабые емлют съкровища казаньские, и ты царю помогай нам. Царь же посылает бояр своих и многих ближних забивати тех, да не падают на съкровищех, такожде и помогают своим»³⁰. Здесь мы видим, что к мародерствующим в бою стали применять самые суровые меры, причём во время боя царь по факту делегировал соответствующие полномочия воеводам, что отличалось от ситуации 1502 г., когда приходилось вершить суд уже после похода, несмотря на присутствие в войске государева сына.

Проблемы дисциплины нельзя решить окончательно ни в одной системе, любая система дает сбои или входит в кризисные моменты. Вышеназванные примеры показывают проблемы с дисциплиной. Однако после Суздальского боя 1445 г. больше нет примеров, чтобы московское войско потерпело поражение, бросившись грабить имущество противника. Схожая ситуация намечалась во время Смоленского боя 1502 г., но государевы воеводы в итоге смогли организовать своих ратников и относительно успешно продолжили бой (что контрастирует с псковичами, которые оказались полностью дезорганизованными). Дисциплина русских воинов теперь поддерживалась и системой нематериальных наказаний, чего раньше не было. Это ещё в третьей четверти XV в. было идеологически обосновано высоким статусом московского князя, приравненного к царскому. Однако идеологические установки и намерения власти не могли быть быстро и широко введены в практику. Процесс этот развивался от последнего периода правления Василия II до первых лет официального царствования Ивана IV (а потом, соответственно, имел продолжение уже в новой стадии).

Качественные изменения в боевой дисциплине и служебных обязательствах сопровождались изменениями в способах ведения войны (тактике и стратегии). Однако сложность состоит в том, чтобы обозначить изменения в тактике, произошедшие в XV–XVI вв. Описания боестолкновений второй половины XV — первой половины XVI вв. и XI–XIII вв. более информативны, чем описания в XIV — первой половине XV вв., поэтому приходится рассматривать в комплексе период XII–XVI вв. Далее для создания предварительной картины будет в общих чертах рассмотрен ряд боестолкновений второй половины XV — первой половины XVI вв., о которых есть достаточно подробные известия.

Первое относительно подробное описание — это битва под Старой Руссой 1456 г.: московско-татарский отряд применил тактику ложного отступления к выгодным для себя позициям («плетеню и сугробам»), расстроил новгородскую конницу лучным обстрелом по лошадям и атаковал с тыла и боку (можно говорить об аналоге Суздальского боя: также ложное отступление, усугубленное низкой дисциплиной преследования, а затем организованная засадная контратака)³¹. Следует отметить, что, согласно описанию московского летописца, лучный обстрел велся из-за указанных препятствий, не дававших противнику атаковать, т.е. как такового маневренного лучного боя не было. Новгородцам самим издавна была известна тактика, когда из «полка» выделялись «сторожи», которые завязывали бой и отступали к «полку» (так, например, описан поход к Юрьеву в 1234 г.³²), известен был новгородцам и скрытный обходной маневр резервом (в битве под Костромой в 1375 г.³³). Необычность этого сражения была в том, что новгородцы попали в хорошо организованную лучную засаду на специфичной местности.

Шелонский бой 1471 г. проходил в иных условиях (поле боя у речной переправы, упадок морального состояния новгородского войска), но московско-татарское войско также применило маневренную тактику: быстрые и решительные передвижения, ложное отступление на переправе, обход с ударом в тыл засадного отряда («западная рать»)³⁴. Можно отметить, что, в отличие от битвы у Старой Руссы, в этом сражении лучный обстрел велся в условиях,

когда противник имел возможность атаковать, но при этом лучный бой также назван основным. (Согласно Московской летописи: «...поидоша напрасно противу их, яко лвы рыкающе, чрес реку ону великую <...> начаша прежде стреляти их, и возмутишася кони их под ними и начаша с себя бити их, и тако въскоре побегоша <...>полци же великого княз погнаша по них, колюще и секуще»³⁵. В другом варианте: «кликнуша на Новгородцев, стреляюще их, инии же с копьи и з сулицами скочиша на них по песку, бе бо песок велик подле реку. Новгородци же мало шить подрежавше и побегоша вси»³⁶.) Этот способ применения лучного боя можно условно назвать «монгольской тактикой», которая предполагала активное использование лука на всех этапах сражения, вплоть до момента массированного столкновения.

Из сражений этого периода есть описание Ведрошской битвы 1500 г.³⁷: русские передовые отряды завязали сражение, спровоцировав противника перейти реку, после чего шло упорное сражение, доходящее до рукопашного боя, завершившееся ударом засадного отряда в тыл литовского войска. По источникам стороны были представлены конницей (Устюжская летопись сообщает о «пешей силе», разрушившей мосты, но она же определяет войско Даниила Щени как двор великого князя, т.е. речь идет о действии спешенной конницы). О тактической роли луков, копий и сабель ясного представления нет.

Таким образом, все три описания сражений второй половины XV в. показывают, что русское войско использовало маневренную тактику, с завязкой боя передовыми отрядами и обходами. Сами по себе эти приёмы не были новшеством, они известны по описаниям ряда сражений XII–XIV вв. Тем не менее, неизменно видна сложная картина боя, которая принесла московской рати победы, что объективно говорит о возросшем уровне дисциплины управления.

Схема атаки московской конницы в Шелонском бою (мощный лучный обстрел с уклонением от контратак, а затем переход в атаку на дезорганизованного противника) воспринимается как наиболее типичная. Но такое представление обусловлено тем, что в описаниях других битв такой ясной

картины нет. Следует принимать во внимание, что противник московской конницы был специфичный: не умел действовать луками в конном строю, имел плохой по качеству конский состав (т.е. был менее подвижен), был представлен только конницей. А русской коннице в этот период приходилось встречаться в сражениях с казанцами, немцами, литовцами, поляками, ордынцами.

Ключевая роль лука отмечается в описаниях боев с татарами на переправах на Оке в 1472³⁸, 1480³⁹, 1527⁴⁰, 1541⁴¹ гг. Во втором случае было также применено огнестрельное оружие, а в последнем русском самом вначале пришлось противостоять крымским пушкам и ружьям, а после прибытия своей артиллерии противник отступил. В целом здесь тактическая схема четко просматривается: к месту ожидаемого прорыва оперативно перебрасывали конные отряды (вначале передовые отряды, затем крупные группировки), которые лучным обстрелом не давали противнику переправиться. Эта тактика требовала хорошего стратегического управления, и вначале (в 1449, 1451, 1455 гг.) ордынцы переходили Оку, не встречая сопротивления⁴², а в 1459 г. ордынцам уже не дали переправиться⁴³. Затем прорыв был в 1521 г., и он также обусловил совершенствование стратегии обороны Берега.

Особо следует отметить сражения начала XVI в., в которых русской коннице противостояло войско, включающее пехоту с огнестрельным оружием. Дело в том, что объективно в этом случае лучники не могли себе позволить вести продолжительную перестрелку, так как на дальности прямого выстрела огнестрельное оружие имело подавляющее превосходство. Первыми были три сражения с ливонцами: Серица и Гельмед 1501 г., Смолино 1502 г. В первом бою немцы при поддержке артиллерии обратили русское войско в бегство; во втором бою, согласно немецким данным, русские разгромили немцев, убили большую часть кнехтов и захватили артиллерию; в третьем сражении русские, несмотря на атаки немецкой конницы, разбили пехоту, которая потеряла не менее 27% погибшими и высший командный состав⁴⁴. Следует обратить внимание на описание сражения у Серицы в «Продолжении Хронографа 1512 г.»: «И немцы, собрався со многою силою, и встретиша великого князя воевод

на реце на Серице безвестно; и великого князя воеводы не успели вооружатися и многие люди травилися с ними без доспехов, да и отидоша прочь»⁴⁵. Тут примечательно не сообщение о внезапности столкновения, отраженного и в других летописях, а в том, что чуть ли не впервые употреблен термин «травля» (действия застрельщиков, вид боевых действий, обособленный от «съемного боя», «большого боя»). То есть стрельбе пушек и ружей русские пытались противопоставить лучную стрельбу. По обозначенным выше причинам это не могло принести успех. Но уже в следующих битвах мы видим, что русская конница смогла быстро приспособиться к новой тактике (что само по себе говорит о высоком уровне дисциплины управления), найдя способ, преодолев обстрел, врубаться в пехоту. Более серьезным было испытание битвой под Оршей 1514 г. Попав в зону действия артиллерии, русская конница атаковала, выпустив стрелы, наступала как на конные фланги, так и на пехотный центр, но пехотные порядки прорвать не смогла и после упорного боя бежала⁴⁶.

В следующий раз русская конница встретила с вооруженными огнестрельным оружием отрядами во время польско-литовского похода на Псковщину в 1517 г. Тогда «передний воевода» Иван Васильевич Ляцкий смог неожиданно атаковать укрепившийся «острогом» набеговый отряд «ляхов», разгромил его, захватил «воевод», «пушки и пищали»⁴⁷. Тогда же произошел ещё ряд столкновений между польско-литовскими «заставами» и русскими «передними воеводами»⁴⁸. Больше полевых сражений с польско-литовскими и ливонскими войсками русское войско не знало до 1550-х гг., но тогда уже в её составе были свои «огненные стрельцы». Но уже в то время русская конница, идущая в стремительный набег, стала усиливаться «пищальниками». Уже для участия в дальнем набеге в Литву в 1519 г. Псков выделил 100 пищальников⁴⁹. Сохранился наказ 1536 г. воеводе М.Ю. Оболенскому, который должен был совершить внезапный набег (путём ночного марш-броска) на укрепленный острогом посад Кричева. На усиление отряда предписывалось «пищальников им взяти с собою два жеребья»⁵⁰. Таким образом, с конца 1510-х гг. в набеге, если

предполагались нападение на укрепленные посады, брали пищальников, которые, очевидно, передвигались верхом.

Русские походные рати и в XII–XIV вв. были либо конными, необременёнными излишними обозами, либо судовыми. По объективным причинам походы на большие расстояния были обычным явлением. Тактика набегов, когда «полк» распускали в «зажитье», действия «загонов», «сторожей», куда выделяли «мужей избранных», был хорошо известен с домонгольской эпохи, в том числе и в Северной Руси. В этом плане опять же нового в тактике второй половины XV — первой половины XVI вв. не было. ТВД тогда были традиционными: исторические русские земли, Ливония, Финляндия, Волго-Камский регион. Для Московского княжества с середины XV в. стало актуальным действие в Поле, но они ограничивались сторожевой службой и погонями за татарскими набеговыми отрядами (что в XV в. было редкостью). Рейды на ордынские и ногайские улусы совершали преимущественно служилые татары.

Отмеченная выше ментальность древнерусских воинов, соответствующие служебные отношения переплетались со спецификой стратегии. Они были настроены на один поход, одну битву. Нельзя было вести продолжительные войны, с последовательным решением стратегических задач, особенно начинать новые кампании сразу после неудачных. Война обычно представляла собой один поход одной группировки, которая одновременно и являлась центром управления. Военные походы часто совершались не ради нанесения серьезного вреда в материальном плане или военного поражения, а ради соблюдения чести, чтобы не оставить без ответа «грубость» со стороны соседа⁵¹. От сражений обычно не уклонялись, и они были достаточно частыми, решали исход кампании. Нередко сидению в осаде предпочитали битву под городом. Типичным примером этого является поход на Галич против Дмитрия Шемяки в 1450 г.⁵². В целом Феодальная война при Василии Темном велась в рамках традиционной стратегии, как и войны с татарами и литовцами в этот период. Поход двумя отрядами на Устюг и Кокшенгу зимой 1452 г. показывает

смену действия одной группы войск делением войска на части с различными, но взаимосвязанными задачами, что нашло широкое применение при Иване III⁵³.

Развитие служебных отношений и государственных институтов привело к тому, что государь во второй половине XV в. мог регулярно собирать войска, прикрывающие границу, а затем и держать в пограничных городах «годовальщиков» из дальних городов. Такой «превентивной мобилизации» ранее не было.

Оборона Берега с середины XV в. характеризовалась стратегией, основанной на согласованных действиях на широком фронте. Фактически впервые появилась ставка ВГК (обычно в Коломне), где обобщались разведанные и донесения с мест, осуществлялось руководство передвижением войск. Как было отмечено выше, постепенно эта система была налажена. Описание русско-казанской войны 1467–1469 гг.⁵⁴ ясно показывает войну нового типа на традиционном ТВД: руководство действий разных группировок Ставкой, последовательность кампаний, «стратегическая настойчивость» (новый поход после неудач). Тогда ещё не удавалось организовать на необходимом уровне стратегическое взаимодействие группировок. Изучение войн, происходивших при Иване III, показывает, однако, процесс совершенствования стратегического управления⁵⁵. Процесс совершенствования и приспособления к новым условиям активно продолжался и позднее.

Походы по присоединению Новгорода, Твери, Перми и Вятки в 1456–1489 гг. происходили в рамках традиционной стратегии (новой была политическая составляющая, обеспечивающая закрепление результата). После войн с Большой Ордой и Казанью государь смог развернуть внешнюю политику и на других направлениях. Наступление в Ливонию 1481 г. велось объединённым московским, новгородским и псковским войском на широком фронте тремя группировками; главная группировка была оснащена артиллерией и захватывала внешние укрепления городов⁵⁶. Масштабные набеги в южную Финляндию в 1496 г.⁵⁷ и Ливонию в 1501 г.⁵⁸ представляли собой

продолжительный (порядка месяца) поход с набеговыми действиями широким фронтом, обходом крепостей и уклонением от боя с крупными силами противника. Можно сказать, что это были набеговые походы нового уровня. Литовская кампания 1493 г. была двумя одновременными походами по захвату городов⁵⁹ (остальные военные действия на границе с ВКЛ в 1470–1490-е гг. сводились к локальным набегам и походам, не имеющим стратегической координации). Литовская кампания 1500 г. была уже согласованным выступлением трёх группировок (фактически по всей границе), а затем выдвижением резервной группировки⁶⁰.

Литовская кампания 1508 г., проходящая в специфической политической обстановке (поддержка мятежа Глинского), показывает согласованные манёвры группировок на обширной территории; обе стороны уклонялись от столкновений крупными силами⁶¹. То есть произошел переход от стратегии крупных сражений к стратегии манёвров. Во время Смоленских осад 1502, 1512–1514 гг.⁶², осады Полоцка 1518 г.⁶³ к городу предварительно высылали набеговый отряд, который начинал готовить блокаду, а во время осады на большом расстоянии от города действовали набеговые группировки, уклонявшиеся от прямых столкновений с крупными силами противника (но своей активностью мешавшие оказывать помощь осаждённым). Достижение нового уровня набеговой стратегии показали походы в Литву в 1519⁶⁴ и 1535 гг.⁶⁵, когда наступление было осуществлено на столь же широком фронте, как и в 1500 г., но представляло собой набег на очень большую глубину с соединением группировок далеко от границы.

В рассматриваемый период Русское государство чаще вело войны не на своей территории. Если на вражеской территории уклоняться от активного столкновения с противником, затягивать военные действия имело смысл, то на своей цели уже было скорейшее уничтожение набеговых отрядов противника, стремление отбить полон и добычу. Иноземные набег и пограничные столкновения были нередким явлением, но крупных вторжений было мало. В основном это были отмеченные выше вторжения татарской армии,

прорывающейся через Оку. Принципы действия за Окой можно увидеть в летописном рассказе об отражении ханского похода в 1541 г.: «Воеводы же начаша съветовати: всеми ли людми за реку полести, за царем пойти? Ино обычай в ратех дръжить что всеми людми в погоню не ходят; и отпустиша за царем вьевод <...>, а с ними многих людей выбрав изо всех полков»⁶⁶. В целом из-за огромной протяженности территорий сложно было встретить войска вторжения на границе достаточными силами.

Только ливонские вторжения на Псковщину в 1480, 1501, 1502 гг. и польско-литовские походы на Псковщину в 1517 и Северщину 1535 гг. были вторжениями с полноценными осадами городов. И всё это были вторжения на обособленные окраины. Из-за активности на Берегу для отражения вторжений 1480 и 1535 гг. силы посланы не были. В 1501 и 1502 гг. произошли названные выше полевые сражения. В 1517 г. пока выдвигались основные силы, как упомянуто выше, активно действовали «передние воеводы». В целом в случае вторжений старались не ограничиваться обороной городов, а активно действовать маневренными отрядами.

Подводя итоги, можно сказать, что в середине XV в. стали явно проявляться глубокие социально-политические изменения, которые стали сразу сказываться на способах ведения войны и военного строительства. Идеологическое и правовое оформление самодержавной власти, приравниваемой по статусу к власти татарского хана, прежнего «царя» над Русью, сопровождалось принципиальными изменениями в служебных отношениях в юридической и ментальной плоскостях. В результате появились принципиально новые возможности по развитию боевой и походной дисциплины (в том числе система наказаний), мобилизационным мероприятиям (начинать сбор и сосредоточение войск заранее, долго держать служилых людей в полках и гарнизонах). Соответственно, появилась возможность вести войны последовательно и напряженно. Это в условиях развития государственных институтов привело к появлению нового уровня стратегического управления и планирования. Примером системы дисциплины, служебных отношений, тактического и

стратегического управления могли быть ордынские образцы, хотя нельзя сказать, насколько они были просто наглядным примером, к уровню которого нужно стремиться, а насколько они конкретно перенимались (например, ямская служба, которая была важнейшим инструментом в стратегическом управлении). Нет основания говорить, что появились принципиально новые тактические приёмы, но развитие на уровне дисциплины и управления позволяло более гибко и продуктивно использовать совокупность тактических приёмов. Принципиально новой стала стратегия. Обычным явлением стали войны на два и более фронта. Если на одном фронте шло активное наступление с целью приобретений, то на другом в это время могла внедряться стратегия по «принуждению к миру» (массированные набеги), а на третьем преимущественно держали оборону. Войны стали более продолжительными (последовательные кампании) и происходить на максимально широком фронте (с действием двух и более группировок).

Если вспомнить слова Герберштейна: «...если дело опять дойдет до оружия, лука или сабли, которой они, впрочем, по их собственным словам, пользуются весьма редко»⁶⁷ (чуть ли не единственное указание о русском войске, где источником названы слова самих русских), то они становятся понятными именно в контексте стратегии. Действия «загонами», «малая война», когда столкновений избегали, а контакты с противником обычно ограничивались перестрелкой, в новой стратегии приобрели особо важное значение. Увеличившаяся интенсивность войн по площади (действие на широком фронте, максимально глубокие вторжения) и времени (последовательные кампании) обеспечивалась именно активными и стратегически организованными рейдовыми действиями. Активными набегами осуществлялось «принуждение к миру», что было актуально при войнах на нескольких фронтах. Военные действия велись преимущественно на территории противника, что давало обоснованную возможность вместо решительного сражения затягивать военные действия. Но сами решительные столкновения (со «съёмным боем») совсем не противоречили русскому военному делу того времени, и они находили

применение, когда была такая необходимость. Если изначально по регионам роль конного «лучного боя» в решительных сражениях была разная, то конница Русского государства постепенно приобрела тактическое однообразие, включающее ордынскую тактику «лучного боя» (активная стрельба и в процессе решительного массированного боестолкновения), для чего необходимо было перенять ордынский уровень дисциплины и тактического управления. Однако сражения, за редким исключением, не могли решаться только или преимущественно «лучным боем».

Следует ещё раз отметить, что все указанные изменения, происходившие в русском военном деле в XV–XVI вв. не были внезапными, имели свою давнюю предысторию, приживались и распространялись постепенно, что было естественно для традиционного общества. Эти процессы требуют дальнейшего изучения.

¹ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XIV вв. — Л., 1976. — С. 14–15, 101.

² См. Рудаков В.Н. Монголо-татары древнерусских книжников середины XIII–XV вв. — М., 2009. — С.164–173.

³ Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. — М., 2011. — Вып. II. — С. 58–91.

Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: Идеи и цели реформ царского войска // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2009. — Вып. I. — С. 196–227.

⁴ Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология. Ежегодник. — М., 2003. — С. 193.

⁵ Стефанович П.С. «Честь» и «слава» на Руси в X – начале XIII в.: терминологический анализ [Электронный ресурс] // Мир истории. Электронный журнал. — 2003. — № 2. <<http://krotov.info/history/13/2/2003stef.html>>.

⁶ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). — СПб., 1908. — Т. I. — Стб. 70.

⁷ Стефанович П.С. Понятие верности в отношениях князя и дружины на Руси в XII-XIII в. // Древняя Русь, — М., 2008. — № 31 (2008). — С. 72-82.

⁸ Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки социального и политического строя Князья и бояре. — М., 2008. — С. 148-269.

⁹ Салмина М.А. Повесть о нашествии Тохтамыша // Труды отдела древнерусской литературы института русской литературы. — Л., 1979. — Т. 39. — С. 151.

¹⁰ Горский А.А. О происхождении «холопства» московской знати // Отечественная история. — М., 2003. — № 3. — С. 80-83.

¹¹ Призыв биться «за русскую землю» присутствует ещё в летописной повести о Святославе I, был ярко представлен в «Слове...», встречается летописных записях о XI-XIII вв. Более узкий вариант этой мотивации, отмеченные в XII-XV вв. – призывы биться «за храм» (как символ города), «за Новгород». Изначально встречаясь неустойчиво, мотив биться «за веру христианскую», к XIV в. стал ключевым (См. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...» // Личности и ментальность русского средневековья. — М., 2001. — С. 62-68).

¹² ПСРЛ. — Л., 1949. — Т. XXV. — С. 274.

¹³ Там же. — С. 282.

¹⁴ Там же. — С. 289.

¹⁵ ПСРЛ. — Петроград, 1921. — Т. XXIV. — С. 190.

-
- ¹⁶ ПСРЛ. — М., 2007. — Т. XVIII. — С. 118.
- ¹⁷ ПСРЛ. — Л., 1949. — Т. XXV. — С. 250.
- ¹⁸ ПСРЛ. — Л., 1928. — Т. I. — Стб. 498.
- ¹⁹ ПСРЛ. — М., 2007.— Т. XVIII. — С. 194.
- ²⁰ ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. XV. — С. 195.
- ²¹ ПСРЛ. — Т. XVIII. — С. 230.
- ²² ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т. IV. — С. 286.
- ²³ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т. VIII. — С. 242.
- ²⁴ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007. — С. 422-423.
- ²⁵ ПСРЛ. — Петроград, 1921. — Т. XXIV. — С. 214-215.
- ²⁶ ПСРЛ. — Л., 1949. — Т. XXV. — С. 315.
- ²⁷ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. — М., 1988. — С. 172.
- ²⁸ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. XIX. — С. 26-28.
- ²⁹ ПСРЛ. — М.;Л., 1963. — Т. XXVIII. — С. 339.
- ³⁰ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. XIII. — С. 217-218.
- ³¹ Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 104-109. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).
- ³² ПСРЛ. — М.;Л., 1950. — Т. III. — С. 72-73.
- ³³ ПСРЛ. — Петроград, 1915 — Т. IV. — Ч. I. — Вып. I. — С. 304.
- ³⁴ Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] //

История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464-482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

³⁵ ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. XXV. — С. 289.

³⁶ ПСРЛ. — Петроград, 1921. — Т. XXIV. — С. 190.

³⁷ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 385-388.

³⁸ ПСРЛ. — Петроград, 1921. — Т. XXIV. — С. 193.

ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. XXIII. — С. 160-161.

ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. XXV. — С. 297.

³⁹ ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. XXV. — С. 328.

ПСРЛ. — Петроград, 1921. — Т. XXIV. — С. 200.

ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. XXVI. — С. 264.

⁴⁰ ПСРЛ. — М., 1978. — Т. XXXIV. — С. 16.

⁴¹ ПСРЛ. — Т. VIII. — С. 299-300.

⁴² ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. XXV. — С. 270-273.

ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. XXXVII. — С. 89.

⁴³ ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. XXV. — С. 276.

⁴⁴ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 401-403, 409-412; 420-423.

⁴⁵ Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — М.;Л., 1951. — Т. VII. — С. 274.

⁴⁶ Лобин А.Н. Битва под Оршей. — СПб., 2011. — С. 158-162.

⁴⁷ ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т. IV. — С. 492.

ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т. VI. — С. 259-260.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 480-481.

⁴⁸ Лобин А.Н. ["Бесова деревня Опочка": малоизвестный эпизод Смоленской войны 1512-1522 годов](#) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15-17 мая 2013 года. — СПб., 2013. — Ч. III. — С. 77-78, 80-81.

⁴⁹ ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т. IV — С. 293.

⁵⁰ Литва и Русь в 1534-1536 гг. // Вестник МГУ. — М., 1999. — Сер. 8. — История, № 4. — С. 75-77.

⁵¹ Кинеев С. Л. Военный аспект политики московских князей 1280-е-1460-е гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Томск, 2003. — С. 74.

⁵² ПСРЛ. — СПб., 1889.— Т. XXV. — С. 270-271.

⁵³ Кинеев С.Л. Военный аспект политики московских князей 1280-е-1460-е гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Томск, 2003. — С. 200-201.

⁵⁴ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 36-93.

⁵⁵ Там же. — С. 434-435.

⁵⁶ Там же. — С. 267-269.

⁵⁷ Там же. — С. 344-346.

⁵⁸ Там же. — С. 408-412.

⁵⁹ Там же. — С. 323-329.

⁶⁰ Там же. — С. 373-394.

⁶¹ Разрядная книга 1475-1598 гг. — М., 1966. — С. 39-43.

⁶² Пенской В.В., Пенская Т.М. «Смоленщины» начала XVI века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. — С. 35-93 <http://www.milhist.info/2015/02/25/penskoy-penskaya_3> (25.02.2015).

⁶³ Пенской В.В. [Чудо на Двине \(эпизод из истории 1-й Смоленской войны\)](#) // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13-15 мая 2015 года. — СПб., 2015. — Ч. III. — С. 355-377.

⁶⁴ Лобин А.Н. ["Бесова деревня Опочка": малоизвестный эпизод Смоленской войны 1512-1522 годов](#) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15-17 мая 2013 года. — СПб., 2013. — Ч. III. — С. 203-204.

⁶⁵ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т. VIII. — С. 288.

⁶⁶ Там же. — С. 300.

⁶⁷ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. — М., 1988. — С. 114.